

В Диссертационный совет Д 503.001.01
при Федеральном государственном
научно-исследовательском учреждении
«Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации»

ОТЗЫВ

**официального оппонента
на диссертацию Бойко Татьяны Станиславовны
«Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного
общества в праве России, США и Великобритании», представленную на
соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности
12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право**

Диссертация Т.С. Бойко посвящена более чем актуальной теме – проблемам защиты миноритарных участников в непубличных обществах. Именно непубличные общества составляют абсолютное большинство юридических лиц во всех более или менее развитых правовых системах, и Россия здесь не исключение. В связи с этим «качество» правового регулирования таких компаний должно составлять предмет беспокойства любого государства, если, конечно, оно видит источник своего процветания в экономическом развитии, а не только в эксплуатации природных ресурсов. Оставляя за рамками отзыва вопрос о том, насколько об этом заботится государство, по результатам прочтения диссертации можно быть уверенным, что Т.С. Бойко это заботит точно.

Что касается непосредственно избранной автором темы, то можно сказать, что разрешение корпоративных конфликтов в непубличных компаниях и защиту прав миноритариев в таких конфликтах, наверное, можно признать вечной темой для дискуссий, которые в России, к сожалению, еще находятся в зачаточном состоянии, на что указывает почти полное отсутствие русскоязычных работ по

многим способам разрешения таких конфликтов (например, назначение временного директора, выход из общества как способ защиты прав миноритария).

Обсуждаемая диссертация, несомненно, представляет собой ценную работу по особенностям защиты прав именно миноритарных участников. Особенно радует то, что автор вместо изобретения велосипеда, т.е. выдумывания доморощенных рецептов защиты прав участников, пошел по пути исследования зарубежного опыта стран, авторитет законодательства и судебной практики которых в сфере корпоративного права едва ли можно ставить под сомнение – США и Великобритании.

Достоверность выводов, содержащихся в работе, подтверждается широким кругом иностранных источников, в т.ч. иностранных судебных решений, использованных Т.С. Бойко. Это позволило автору сформулировать предложения, которые смотрятся свежо и актуально не только в российском контексте, но и на европейском уровне.

Заслуживают всемерной поддержки выводы автора относительно сходства отношений участников в непубличной компании и договора товарищества (С. 13); общих признаков, определяющих непубличные компании (Там же); целесообразности внедрения способов защиты прав миноритария в ситуации длительного и необоснованного нераспределения дивидендов (С. 15); расширения оснований для выхода участника в случае несогласия с принятыми корпоративными решениями (С. 15-16), а также предложения по введению в российское законодательство такого способа защиты как выкуп мажоритарным участником доли (акций) миноритарного участника в судебном порядке.

Следует отметить, что в том или ином виде подобные выводы и предложения неоднократно озвучивались в европейской доктрине и даже были введены в законодательство (например, в Закон Испании о компаниях в 2011 году была включена норма, позволяющая участнику некотируемой компании требовать выкупа его долей (акций), в случае, если на пятый год с момента учреждения компании не принимается решение о выплате не менее чем 30 % прибыли, полученной за время, прошедшее с момента учреждения) и судебную

практику (обзор подходов европейских правопорядков по этому вопросу подробнее см.: *Rodas Paredes P. La separación del socio en la Ley de sociedades de capital. Madrid, 2013. P. 66-79*).

Положительно можно оценить то, что автор не просто воспроизводит иностранные рецепты решения проблем, но и проводит необходимую адаптацию к российским условиям, например, в части формулирования предварительного перечня ситуаций, которые свидетельствуют о фактах притеснения (С. 226-230). А иногда и прямо признает неприемлемость иностранного опыта, как например, в случае с такой мерой как назначение временного управляющего, которое в российских условиях попросту невозможно из-за отсутствия корпуса лиц, способных честно и эффективно выполнять соответствующие функции (С. 253-254).

О высоком качестве диссертации свидетельствует и то, что все свои предложения автор не просто хорошо аргументирует, но сразу же старается озвучить возможные возражения, выдвигая против них контрдоводы (например, С. 230-231, 237-238, 249), это, на наш взгляд, выдает в Т.С. Бойко зрелого ученого, для которого важнее истина, а не любование собственными предложениями.

В то же время диссертация не лишена некоторых спорных моментов:

1. Вызывает серьезное сомнение предлагаемый автором к внедрению в российское право институт притеснения (С. 14), известный англо-американскому праву.

Представляется, что автор допускает типичную для компаративных исследований ошибку, утверждая, что в российском праве отсутствует такой институт и делая вывод о необходимости его внедрения. Прямое сравнение правопорядков, быть может, за исключением самых родственных, никогда не может основываться на прямом сравнении, а лишь на функциональном сопоставлении, т.е. сравнению подлежит не факт наличия (отсутствия) соответствующего института, а то, как решается тот или иной правовой вопрос в сравниваемых правопорядках.

Так, обсуждаемый Т.С. Бойко институт притеснения представляет собой не что иное как набор отдельных способов защиты, которые могут быть применены судом, когда участник доказал наличие притеснения.

Список этих способов в действительности во многом совпадает с теми правовыми средствами, которые доступны лицу в российском правовом порядке (оспаривание решения, взыскание убытков, исключение участника, выкуп доли (акций) по требованию участника (акционера)), а в отдельных случаях, как например, право оспорить любую сделку компании, отечественное право даже лучше защищает участника компании, поскольку иностранные правовые порядки аналогичного права участникам, как правило, не предоставляют. Можно спорить и обсуждать насколько данные меры хорошо работают, но нельзя отрицать их наличие.

Также автор лишь вскользь упоминает о том, что российским судам неизвестны подходы, являющиеся общепринятыми для системы общего права и которые предполагают, что суд сам выбирает наиболее подходящий способ защиты прав (С. 243). Однако неясно, когда и каким образом Т.С. Бойко предлагает решить эту проблему применительно к российскому праву, поскольку отечественное процессуальное законодательство на данный момент исходит из того, что именно лицо, обратившееся за защитой права, выбирает подходящий ему способ защиты. Полагаем, что это требует отдельного обсуждения и возможно реформирования процессуального законодательства.

При этом, разумеется, мы не отрицаем необходимости расширения перечня способов защиты, доступных участнику. Как уже упоминалось, мы поддерживаем дополнение российского законодательства таким способом как выкуп доли (акций) миноритарного участника (акционера), в случае если будет доказано его притеснение.

Однако это не имеет никакого отношения к введению какого-либо самостоятельного института притеснения, а лишь предполагает расширение перечня доступных участнику способов защиты своих прав и законных интересов, а также совершенствование уже существующих.

2. Отдельного критического разбора заслуживает теория защиты разумных ожиданий участника, которую Т.С. Бойко предлагает заимствовать в российское право (С. 229).

Сама по себе идея, что защите подлежат некие разумные ожидания весьма сомнительна с догматической стороны. Что это за разумные ожидания, часть корпоративного контракта? Есть ли хоть какие-то аналогии с договорным правом или предлагается локальное заимствование именно в корпоративном праве?

Письменным доказательствам (уставу, корпоративному договору), как представляется, невозможно противопоставлять домыслы участников о том, что на самом деле стороны отношения хотели не только того, что написано, но и многого другого.

Строго говоря, то, о чем пишет автор, видимо, есть ситуация заблуждения в условиях сделки (например, участник думал, что он будет директором всегда, а оказалось, что нет). Однако в этом случае правильно ставить вопрос об оспаривании такой сделки по мотиву заблуждения.

Есть возражения и политико-правового свойства: принцип большинства позволяет мажоритарии управлять компанией так, как он хочет, и если нет доказательств, что его действия (бездействия) были совершены без какой-либо разумной деловой цели, а лишь для того, чтобы навредить миноритарии, то ставить вопрос о нарушениях, на наш взгляд, нельзя, иначе идея уважения прав меньшинства доводится до абсурда, когда стираются всякие различия между мажоритарием и миноритарием.

3. Крайне интересными являются рассуждения автора относительно того, что должно быть допущено прямое возмещение убытков участнику, в том числе в случае предъявления косвенного иска (С. 16, 153-172, 246-251).

Поддерживая это предложение с учетом того, что суд должен будет оценить, не нарушает ли прямое взыскание убытков интересы кредиторов, мы бы все же не рискнули назвать его общим правилом, как это делает автор, поскольку это противоречило бы правилам логики: если такой иск подлежит удовлетворению путем взыскания убытков в пользу участника только при

наличии определенных условий (С. 250), а при их отсутствии – в пользу компании, то это означает, что общим правилом является все же взыскание убытков в пользу компании.

Ну и, конечно же, мы не вполне понимаем, как можно взыскивать убытки в пользу участника, не рассматривая одновременно вопрос о принудительном распределении прибыли. Ведь удовлетворение такого иска всегда означает изъятие этих средств у компании, которые ей могут быть нужны для развития. Поэтому там, где автор видит два альтернативных решения, нам кажется возможным оставить только одно (С. 250-251).

4. При изложении средств защиты, предусмотренных российским правом, автором допущены досадные неточности и в целом видно, что его описание местами было выполнено недостаточно скрупулезно и без изучения русскоязычной доктрины, с намерением показать только недостатки, что контрастирует с тем, как автор описывает иностранное право.

4.1. Так, при описании таких средств Т.С. Бойко по какой-то причине не упоминает о широких правах участников на оспаривание сделок общества (статья 65.2 ГК РФ), не имеющих аналогов в зарубежном праве, ограничиваясь лишь кратким упоминанием пункта 2 статьи 174 ГК РФ (С. 211). Вместо этого автор с упоением прибегает к критике реформы сделок с заинтересованностью (С. 208-213), что само по себе возражений бы не вызывало, если бы диссертант также озвучил аргументы сторонников реформы и критиковал с их учетом. Научный текст все же предполагает дискуссию с анализом того, что по этой теме было сказано ранее. Если же автор полагал, что широкое обсуждение сделок с заинтересованностью выходит за рамки диссертации, тогда не нужно было и вовсе об этом писать. Однако Т.С. Бойко предпочла озвучить лишь собственное мнение, при этом по какой-то причине изменив и собственную методологию – сравнительно-правовую, которой она прекрасно следует в остальных частях работы.

Так, автор повторяет неоднократно озвучивавшийся как до, так и после реформы довод о формальности критериев для признания сделки сделкой с заинтересованностью. К этому автор добавляет, что это якобы приводит к тому,

что «миноритарные участники оказываются не способными признать недействительными подобные сделки в тех случаях, когда они приводят к выводу ценных активов из общества в компании фактически подконтрольные мажоритарному участнику» (С. 209).

Между тем совершенно неясно, почему невозможность признать сделку сделкой с заинтересованностью мешает признать ее недействительной, если такая сделка, как говорит автор, приводит к выводу активов, ведь возможность оспорить сделку, направленную против интересов общества, никто не отменял (пункт 2 статьи 174 ГК РФ).

Более того, сам по себе факт признания сделки сделкой с заинтересованностью никогда не служил достаточным основанием для признания сделки недействительной, всегда законодательство требовало доказать наличие ущерба от такой сделки (абзац пятый пункта 5 статьи 45 и абзац пятый пункта 5 статьи 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью в ред. до 01.01.2017, абзац пятый пункта 6 статьи 79 и абзац пятый пункта 1 статьи 84 Закона об акционерных обществах в ред. до 01.01.2017). Напротив, до реформы в этом случае было неясно, зачем вообще доказывать наличие заинтересованности (юридической или фактической), если доказанный ущерб от сделки и так является достаточным основанием для признания сделки недействительной (пункт 2 статьи 174 ГК РФ).

Что касается так называемой фактической аффилированности, то много раз озвучивался аргумент о том, что ее допущение ввергло бы отечественный оборот, который и так погряз в бесконечных получениях согласий на совершение сделок, в состояние полнейшей неопределенности. В результате каждую первую сделку требовалось бы согласовывать. Возможно, диссертант так себе представляет нормальный гражданский оборот, но нам нормальным это не кажется. Возможно, автор подскажет, в каких иностранных правовых порядках это обстоит так, как он предлагает сделать, учитывая еще и возможность оспаривания таких сделок, где контрагенту фактически вменяется обязанность проверять факт наличия одобрения.

Весьма симптоматично, что здесь автор не приводит никаких отсылок к иностранному опыту.

Также не ясно, на чем основано утверждение о том, что после признания оспаривания сделок с заинтересованностью частным случаем оспаривания сделки по пункту 2 статьи 174 ГК РФ «миноритарные участники фактически лишаются возможности защищать свои права и законные интересы посредством оспаривания сделок, поскольку на них возлагается чрезмерное бремя доказывания: помимо доказывания признаков заинтересованности и знания другой стороны об отсутствии необходимого одобрения миноритария необходимо доказать то, что сделка была совершена в ущерб интересам общества, т.е. другая сторона сделки знала или должна была знать о явном ущербе для общества либо имели место обстоятельства, которые свидетельствовали о сговоре либо об иных совместных действиях органа общества и другой стороны сделки в ущерб интересам общества» (С. 213). Как мы уже упоминали, редакция законов об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью, действовавшая до 01.01.2017, требовала доказать наличие ущерба, причиненного сделкой, как необходимого условия для удовлетворения иска о признании такой сделки недействительной. Поэтому хотелось бы услышать от диссертанта, что же именно такого произошло после 01.01.2017, что мешает участникам защищать свои права посредством оспаривания сделки по пункту 2 статьи 174 ГК РФ..

4.2. Совершенно необоснованной выглядит критика такого средства разрешения корпоративных конфликтов как исключение участника.

Во-первых, Т.С. Бойко без объяснения причин отмечает возможность использования этой меры в тех случаях, когда вред причинен не обществу, а другому участнику.

Между тем возможны такие ситуации, когда действия, которые формально нарушили интерес одного из участников, влияют на состояние общего сотрудничества в обществе: причинение вреда одному из участников общества справедливо может быть оценено остальными участниками как обстоятельства, которые повлекли утрату доверия к виновному лицу, нарушение сотрудничества,

вследствие чего общество не может продолжать нормальную деятельность. Например, причинение вреда здоровью одного из участников общества. Другой хрестоматийный пример – это незаконное присвоение долей других участников общества путем фальсификации документов (подробнее см.: Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М., 2014. С. 82-83). Так, в пункте 1 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью, утвержденного информационным письмом ВАС РФ от 24.05.2012 № 151, обращается внимание на то, что утрата доверия между участниками является одним из оснований к исключению.

Во-вторых, диссертант предпочитает сразу заклеить эту меру как неоптимальную (С. 214). Однако, как представляется, у этой меры есть свои достоинства и конечный выбор должен быть сделан участником с учетом всех обстоятельств. Поэтому исключение участника является такой же альтернативой как и иные меры, в отношении которых автор не делает выводов об их заведомой неприемлемости.

Автор почему-то процитировала только один выдвинутый довод в пользу того, что в некоторых случаях исключение участника является лучшей альтернативой выходу из общества о том, что нельзя оставлять участника перед единственной альтернативой уйти из общества, оставив общество недобросовестному участнику (С. 215). Однако и данный довод Т.С. Бойко никак прямо не опровергает.

В работе оппонента выдвигались и иные аргументы: 1) выплата участнику стоимости доли при выходе не всегда представляет собой адекватную сумму, здесь действует фактор затруднительности оценки стоимости долей в таких компаниях, например, сложно учесть тот факт, что стартап в первые годы деятельности оценивается дешево, но впоследствии принесет значительные доходы, либо участник проработал в компании всю свою жизнь и т.п.; 2) непубличные компании нередко являются основным или даже единственным видом деятельности для участников, а значит, каждый из них желает скорее

сохранить этот статус, чем получить какое-либо денежное возмещение (подробнее см.: Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М., 2014. С. 12). Нам бы хотелось услышать их опровержение либо признание диссертантом того факта, что у исключения участника есть своя ниша среди всех мер по защите прав участников.

Касательно же довода автора о том, что исключение мажоритария противоречит логике корпоративного права, в котором господствует принцип большинства (С. 215), то нам тем более удивительно это слышать от диссертанта, которая большую часть диссертации посвящает тому, чтобы убедить всех в том, что у мажоритария нет права на злоупотребление и никакой принцип большинства это не оправдывает. Выбор же между средствами защиты принадлежит пострадавшему участнику.

Ну и напомним, что в европейских правопорядках исключение участника, в т.ч. мажоритария, является широко используемой мерой наряду с выходом участника.

Изложенные замечания носят преимущественно дискуссионный характер и не умаляют прекрасного впечатления от работы, проделанной автором, особенно в части описания иностранного опыта, которая достойна всяческих похвал. Более того, указанная часть работы может быть рекомендована к немедленной (если не сказать принудительной) публикации.

В целом представляется, что диссертация Т.С. Бойко может быть охарактеризована как самостоятельное научное исследование, обладающее новизной, содержащиеся в работе выводы, полученные при решении поставленных диссертантом задач, имеют теоретическое и практическое значение. Результаты работы могут служить основой для последующих исследований в рассматриваемой области. Применение результатов данной работы возможно при подготовке учебных и методических пособий, в лекционных курсах по гражданскому праву.

Основные положения диссертации автором опубликованы. Автореферат диссертации отражает ее содержание.

Таким образом, диссертация отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а Татьяна Станиславовна Бойко без всяких сомнений заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Заместитель директора Департамента
экономического законодательства
Министерства юстиции Российской Федерации,
кандидат юридических наук

А.А. Кузнецов

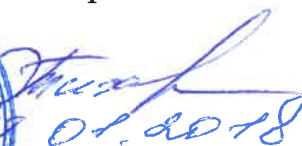
Кузнецов Александр Анатольевич замещает должность заместителя директора Департамента экономического законодательства Министерства юстиции Российской Федерации

Адрес: 119991, ГСП-1, Москва, ул. Житная, д. 14

Телефон: 8 (495) 994-93-55, 8 (495) 955-56-15

Эл. почта: Aleksandr.Kuznetsov@minjust.ru

Начальник отдела по работе с кадрами центрального аппарата Минюста России
Тихонова Елена Александровна

01.08.18